числе рукописей житий св. Саввы. Эти жития несли с собой тогдашнюю святогорскую концепцию пустынножительного монашества и исихастирии, к которой тяготел и преп. Сергий — «божественные сладости безмолвия». Эти жития несли и сербский агиографическо-панегирический стиль, который, как мне кажется, особенно сильно повлиял на формирование литературного стиля второго южнославянского влияния.

Наряду со Святой Горой, где в рамках постоянных культовых и деловых сношений между Русиком, Хиландарем и Зографом в XIII и XIV вв. осуществлялись и взаимные русско-южнославянские литературные влияния, значительная роль в данной области в XIV в. могла принадлежать и Царьграду. Там в начале XIV в. король Милутин основал сербский госпиталь-страннопримницу, имевший, по-видимому, и более широкие функции, в частности как центр сербского дипломатического представительства в византийской столице, поскольку там останавливались сербские дипломаты, о частых поездках которых в Константинополь имеется много свидетельств.[190] При этой больнице существовала библиотека, в ней среди других книг находились знаменитая иллюстрированная рукопись греческого ботаника Диоскорида (теперь в Вене) и литургическая рукопись Триоди с недавно опубликованными интересными историческими записями, перенесенная в Охрид после падения Царьграда.[191] Эта сербская больница находилась вблизи монастыря Продрома, там же, где ранее существовала русская царьградская колония со своей «Русской улицей». Здесь останавливались русские княжеские и церковные послы, прибывавшие с дипломатическими поручениями, и паломники вроде новгородского архиепископа Антония, оставившего описание Царьграда в годы его завоевания латинянами, и русские митрополиты, прибывавшие для поставления к патриарху. В 1389 г. путешествовал в Царьград русский митрополит Пимин со свитой, один из членов которой оставил чрезвычайно интересные записки об этом путешествии. По прибытии в Царьград, говорит он, «поидохом в монастырь святаго Иоанна, иже глаголется греческим языком Продром, русским же глаголется Предтеча, и ту поклонихомся и целовахом, и упокоиша нас добре тамо живущая русь».[192] Между прочим, во время путешествия ветер отогнал их корабль к берегам Малой Азии. Здесь они слышали и записали новые вести о Коссовской битве, подвиге Милеша Обилича, смерти султана Мурата и смерти князя Лазаря. Из этого русского центра в Царьграде дошло несколько рукописей с записями писцов, среди которых особенно выделяется русский Ефрем, позднее ушедший на Афон. Непосредственное соседство русских и сербов около царьградского Продрома в XIV в. не могло не отразиться на русско-сербских литературных связях.

Весьма вероятно, что именно в константинопольском русско-сербском центре возникло «Сказание о построении храма Софии цариградской», извлеченное из русской редакции Еллинского летописца. Первоначальная греческая редакция этого произведения, вероятно IX в., была несколько раз переделана, и на базе переделки времени Алексея Комнина в первой половине XIII в. составлена русская редакция, которая дополнила «Сказание о построении и обновлении св. Софии» данными о разграблении храма крестоносцами в 1204 г., заимствованными из Повести о взятии

---

[190] См.: В. Мошин и М. Пурковић. Хиландарски игумани средњега века. Скопље 1940; В. Мошин. Хиландарац Калиник српски дипломата XIV века. — Историско-правни Зборник, 1. Сарајево, 1949, стр. 117—132.

[191] V. Mošin. Les manuscrits du Museé National d'Ochrida. — Зборник на трудови. Народен музеј во Охрид, 1961, стр. 211.

[192] ПСРЛ, т. XI. СПб., 1897, стр 99.